

Florij Bacewicz
Uniwersytet Lwowski

Прагматика асемантичных реплик в пьесах А. Чехова

1. Вводные замечания

Так называемой «загадке» чеховских текстов посвящена значительная литература¹. Важная составляющая этой загадки, как пишет А. Степанов, связывается с проблемами коммуникации, которые способны объяснить многие черты поэтики Чехова: «Изучение проблем коммуникации у Чехова – не частный вопрос: он имеет отношение едва ли не ко всем вопросам чеховской поэтики, представляет собой магистральный путь решения чеховской загадки» (Степанов 2005: 21). Этой проблеме посвящены три книги (Pitcher 1973, Pervukhina 2000, Степанов 2005) и ряд статей. При этом мнения исследователей расходятся: одни считают важнейшим признаком общения тотальную некоммуникабельность героев чеховских произведений (Pitcher 1973: 25 и дальше), другие, наоборот, пишут о едином настроении, ритме и тоне речей героев (Белый 2002: 834-835), о том, что многие из них понимают друг друга с полуслова или вовсе без слов, как, например, Маша и Вершинин из пьесы «Три сестры» (Паперный 1982: 196). Наши наблюдения над языком чеховских пьес позволяют склониться, скорее, к первой группе суждений о ментальном, психологическом, духовном непонимании их героев друг друга. Что же касается единства настроения, ритма, тональности в общении героев, то эти прагматические аспекты коммуникации характеризуют, так сказать, «общие условия успешности» протекания любых неконфронтационных процессов интеракции, моделируются автором и не всегда свидетельствуют об эмпатии общающихся (Бацевич 2003: 126; Бацевич 2011: 244 и дальше). В целом же можно говорить о недостаточной изученности коммуникативных аспектов пьес А. Чехова прежде всего с позиций современной функционально и прагматически ориентированной лингвистики.

Одной из заметных особенностей языка драматических произведений А. Чехова является наличие в общении образованных героев его пьес непря-

¹ См., например, обзор литературы по теме в: (Степанов 2005: 9-22).

мых способов коммуникации, в частности, таких, как ирония, сарказм, литературные аллюзии, намеки бытового характера, иносказания и другие. Особую роль играют реплики, которые имеют характер речевых актов, но прямо не связываются с движением сюжета, текущей тематикой разговора, или связываются с ними достаточно слабо. При этом подобные речевые акты-реплики несут в себе значительный прагматический потенциал, способствуют движению сюжетной линии, формируют коммуникативные смыслы речевых жанров, которыми обмениваются герои пьес. Это один из характерных приемов Чехова-драматурга, направленных, прежде всего, на подчеркивание «нестыковки» внутренних миров общающихся героев. Рассмотрим детальнее сущность такого рода реплик (речевых актов) и их роль в вербальной интеракции героев.

2. Сущность и прагматические функции асемантических реплик как речевых актов

С позиции соотношения коммуникативных смыслов в конкретном контексте и ситуации общения реплики-высказывания асемантического характера можно классифицировать по нескольким параметрам:

1. Полностью семантически опустошенные, то есть, фактически, не принимающие участие в формировании содержательной части разговора, который ведут герои. Рассмотрим пример из пьесы «Три сестры»²:

- (1) Ирина. *А вам [Чебутыкину] надо бы изменить жизнь, голубчик. Надо бы как-нибудь.*
 Чебутыкин. *Да. Чувствую. Тарара... бумбия... сижу на тумбе я...*
 Кулыгин. *Неисправим Иван Романыч! Неисправим! (173-174).*

С позиций семантического (прежде всего тематического) развертывания диалога, движения пропозициональных смыслов фраза Чебутыкина *тарара... бумбия... сижу на тумбе я* бессмысленна, находится вне содержательного контекста речевого жанра³ совета Чебутыкину изменить стиль жизни. Однако это

² Все примеры даются по изданию: (Чехов 1986). В тексте статьи в круглых скобках указывается страница цитаты.

³ Сущность речевого жанра как категории коммуникативной лингвистики понимаем за М.Бахтиным как «относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний» (Бахтин 1986: 255). Идея речевых жанров М.Бахтина в настоящее время активно развивается в трудах русских и украинских лингвистов, см., например: Бацевич 2005; Дементьев 2010; Сахарова 2012; Яхонтова 2009. На близких теоретических позициях стоят польские исследователи, см., например, сборники статей, посвященных речевым жанрам: Gatunki 2000; Gatunki 2004; Polska genologia 2008; Współczesna 2004) и др.

«высказывание» не выпадает из общего контекста общения, определенным образом осмысливается присутствующими (в данном случае Кулыгиным) с учетом характера врача Чебутыкина. Иначе говоря, этому высказыванию-реплике, равному речевому акту, участниками общения приписывается определенный коммуникативный смысл прагматического характера, поскольку он касается субъективной составляющей – личности говорящего (см. об этом ниже).

2. Схожую коммуникативную природу имеют семантически полноценные высказывания, которые, однако, не соответствуют тематике «тут и теперь» общения, то есть, фактически, являющиеся семантически «пустыми» в аспекте текущей интеракции героев пьесы. Фрагмент из «Трех сестер»:

(2) *Соленый. Если философствует мужчина, то это будет философия или там софистика; если же философствует женщина или две женщины, то уж это будет – потяни меня за палец.*

Маша. Что вы хотите этим сказать, ужасно страшный человек?

Соленый. Ничего. Он ахнуть не успел, как на него медведь напал (125).

В аспекте жанровой организации дискурсов речевые акты, подобные выделенной реплике Соленого⁴, пребывают вне пропозиционально-семантического наполнения коммуникативных действий. Поскольку тематическое единство речевого жанра – обязательное условие их недевиативности и узуальности коммуникации в целом (Шмелева 1990; Дементьев 2010), то подобные речевые акты можно считать внежанровыми. В аспекте же движения семантических (не прагматических) коммуникативных смыслов в процессах межличностного общения такие речевые акты можно квалифицировать как асемантические.

Асемантические речевые акты еще не становились предметом исследования как со стороны их роли в коммуникации, так и в аспекте их типологии⁵, жанрового наполнения дискурсов и текстов (Дымарский 2006; Макаров 2003; Борботько 2007), последовательности и законов мены реплик (Демьянков 1992; Макаров 2003). Как справедливо отмечает А.Степанов, такие высказывания можно квалифицировать как «опустошенные знаки», поскольку в них на первый план выходит не содержание, а факт самого употребления; такие знаки оказываются пустыми исключительно «внутри» мира, изображаемого в перспективе общения героев (Степанов 2005: 98-99). Подобные речевые акты,

⁴ В данном случае это несколько измененная цитата из стихотворения И.Крылова «Крестьянин и Работник» (1815 г.): «Крестьянин ахнуть не успел, / Как на него медведь напал».

⁵ Сравним, например, наиболее полные классификации речевых актов в трудах (Остин 1986; Серль, Вандервекен 1986; Богданов 1989; Романов 1988), в которых отсутствует типология подобных высказываний.

опустошенные с позиций логики движения пропозициональных смыслов, наполнены дополнительными смыслами, характеризующими коммуникантов, ситуацию общения и т.п., (Степанов 2005: 100), то есть смыслами прагматического характера.

С позиций формального и содержательно-коммуникативного «устройства» рассматриваемые речевые акты достаточно разнообразны. Анализ пьес А.Чехова позволяет выделить несколько типов подобных речевых актов-высказываний в зависимости от меры их коммуникативно-прагматического смыслового наполнения.

1. Полностью десемантизированные; такие речевые акты формально напоминают абракадабру. Это речевые акты, подобные реплике Чебутыкина в примере (1). См. также фрагмент общения из пьесы «Три сестры»:

- (3) Кулыгин. *Милая моя Маша, дорогая моя Маша ...*
Ирина. *Она утомилась. Дал бы ей отдохнуть, Федя.*
Кулыгин. *Сейчас уйду ... Жена моя хорошая, славная ... Люблю тебя, мою единственную ...*
Маша. *Амо, amas, amat, amamus, amatis, amant* (165).

Подобные речевые акты-реплики – носители сложных индивидуальных коммуникативных смыслов прагматического характера, что отграничивает их от формально похожих речевых актов, отсылающих слушателя (читателя) к узуализированным прагматическим коммуникативным смыслам, зафиксированным, например, в шуточных «высказываниях» типа *йохана бабай*, которые несут в себе прагматику неожиданности, удивления чужыми словами, поступками, действиями и т.п. Здесь можно также назвать уже ставшие «классическими» *йокалемене* и *пересете*, определяющимися как носители узуализированного прагматического смысла, который приблизительно можно сформулировать как ‘говорящий шокирован словами или действиями собеседника, ситуацией в целом, хотя и высказывает их «стандартно шутливо»’. Эти и подобные коммуникативные смыслы прагматического характера, будучи, фактически, по разным причинам (прежде всего литературно-художественного характера) узуализированными, в противовес, например, *тарара бумбии*, достаточно легко, практически автоматически, «вычитываются» адресатом. Более того, они в некоторых случаях как бы автоматически «цитируются» другими авторами, т.е. становятся, фактически, прецедентными, узнаваемыми и повторяемыми⁶.

⁶ См., например, второе стихотворение из цикла «Дивертисмент» А.Введенского, которое начинается словами *Та-ра-ра-бумбия / Сижу на тумбе я. / Простерты руки / К скучнейшей скуке* (Введенский 2011: 29).

Исследуемые высказывания в аспекте их речеактовой организации принципиально отличаются от сконструированных лингвистами псевдовысказываний вроде знаменитой фразы Л. Щерби *Глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокренка*, или выражения Н.Хомского *Colorles green ideas sleep furiously* (*Зеленые бесцветные идеи яростно спят*). Подобные конструкции вполне допустимы в контексте научного дискурса как специальные метавысказывания, употребляемые с целью демонстрации специфики грамматических и лексических значений, потенциальных возможностей языка, отличий в организации живых и искусственных языков и т.д.

Существенно отличаются коммуникативно асемантичные речевые акты от слов и фраз-паразитов. Последние не интенциональны, употребляются говорящим автоматически, не несут в себе никакого коммуникативного смысла, хотя, конечно, свидетельствуют об уровне владения говорящим речью.

Рассматриваемые реплики отличаются также от «высказываний», подобных знаменитому *Дыр бур щил / убещур скум / вы со бу / р л эз*, в котором, как известно, А.Крученых видел больше исконно русского, чем во всей поэзии А.Пушкина. Если коммуникативно асемантичные речевые акты являются внежанровыми, то есть находятся вне пропозиционального содержания текущей коммуникации, то вторые – тематически «нагружены», определенным образом осмысленны и коммуникативно оправданны в определенных типах дискурсов, например в дискурсе футуристической поэзии; для авторов и любителей такого типа словесного искусства они наполнены адекватными их мировосприятию коммуникативными смыслами.

2. Имеют определенное (как правило, специальное) значение в рамках достаточно узкого типа общения, то есть в пределах специального дискурса. Фрагмент их «Вишневого сада»:

- (4) Гаев (ощупывает шкаф). <..> *Дорогой, многоуважаемый шкаф! Приветствую твое существование, которое вот уже больше ста лет было направлено к светлым идеалам добра и справедливости!*
 Лопухин. Да...
 Любовь Андреевна. *Ты все такой же, Леня.*
 Гаев (немного сконфуженный). *От шара направо в угол! Режу в среднюю!* (208).

Последнее высказывание Гаева семантически полноценное и коммуникативно уместное в ситуации общения игроков в бильярд, однако лишнее пропозиционального содержания в пределах текущей коммуникации, тематика которой вращается вокруг шкафа, которому уже больше ста лет.

3. Имеют широкий ассоциативный спектр отсылок к прецедентным феноменам культуры (прецедентным текстам, фактам, именам и т.п.) или опре-

деленной социальной среде, однако, как и в предыдущих случаях, лишены пропозициональной связи с тематикой текущего общения. Здесь достаточно вспомнить реплику Соленого *Он ахнуть не успел, как на него медведь напел.*

Заметим, что цитатные речевые акты, асемантичны относительно конкретного течения коммуникации и, как уже отмечалось, являются носителями синтетических прагматических смыслов достаточно «размытого» характера, которые могут касаться всех участников общения – как прямых (адресанта и адресата), так и третьих лиц (читателей художественных текстов), а не только собственно читателей, как об этом пишет А.Степанов (Степанов 2005: 101).

Асемантичные высказывания, являющиеся цитатами из прецедентных текстов, отличаются от шутливых намеков (аллюзий), которые также могут иметь характер цитатности, однако семантически связываются с содержанием текущей коммуникации. Речь идет о случаях, например, шутового отказа от чего-нибудь в виде цитаты из известного всем текста мультфильма:

(5) *А. Пойдем, поработаем!*

Б. Тили-тили, трали-вали; это мы не проходили, это нам не давали.

В этом аспекте необходимо также отличать речевые акты, асемантичные относительно тематики текущего общения, и неподготовленные речевые акты, касающиеся внутреннего мира говорящего, его размышлений или того, что имело место в прошлом между нынешними участниками общения; такие речевые акты могут быть непонятными для кого-то из собеседников. Фрагмент общения Нины с Треплевым из пьесы «Чайка»:

(6) *Нина. Зачем вы говорите, что целовали землю, по которой я ходила? Меня надо убить. (Склоняется к столу). Я так утомилась! Отдохнуть бы... отдохнуть! (Поднимает голову). Я – чайка... Не то. Я – актриса. Ну да! <...> Вы не понимаете этого состояния, когда чувствуешь, что играешь ужасно. Я – чайка. Нет, не то ... (58).*

Подобные случаи немотивированного (неинтенционального) употребления речевых актов можно считать пропозиционно естественными относительно протекания интеракции; они семантически и жанрово отвечают тематике общения и отличаются от исследуемых асемантических речевых актов своей неподготовленностью, отсутствием ориентации на физическое, психологическое и другие состояния слушающего, тематическую последовательность изложения информации; они психологически и интенционально «замкнуты» на самом говорящем.

Отличается исследуемый тип речевых актов цитатного характера также от употреблений на первый взгляд бессмысленных в конкретном контексте высказываний (речевых актов, реплик), которые, однако, являются носителями узуализированных прагматических коммуникативных смыслов и имеют стабильную форму употребления, например, *На огороде бузина, а в Киеве дядька* (коммуникативный смысл прагматического характера 'ты сказал что-то некстати') как ответ на реплику говорящего.

Асемантические речевые акты цитатного характера отличаются также от тех цитат в устах участников общения, которые непрямо, но все же связаны с движением семантических коммуникативных смыслов в общении и становятся (или могут стать) прагматическим фокусом эмпатии⁷ для последующих реплик диалога (или полилога). Пример из рассказа современного русскоязычного украинского писателя Игоря Сергунова «Невпопад»:

(7) [Ирина:] – ... *Я многого не понимала, была в каком-то бреду, розовом тумане...*

[Игорь:] – *Ты и тогда ничего не понимала и сейчас не можешь трезво оценить ситуацию.*

– *«Онегин, я была моложе, Я лучше, кажется, была».* – сказала Ирина с мечтательной улыбкой.

– *Ох, ох, ох! Как трогательно! Лучше она была, как же! Такая себе мечтательная девочка, а вышла за Дениса с его деньгами и связями!* (Сергунов 2004: 24).

Реплика Ирины «*Онегин, я была моложе, Я лучше, кажется, была*», являющаяся несколько измененной цитатой из пушкинского «Евгения Онегина», раздражает ее собеседника и становится прагматическим фокусом эмпатии для эмоционального ответа именно на прагматические коммуникативные смыслы этой реплики.

Несмотря на отмечавшееся отсутствие в известных типологиях речевых актов, асемантические высказывания как носители сложных прагматических смыслов достаточно функционально и коммуникативно близки к экспрессивам⁸.

⁷ См. подробнее об этом применительно к художественному тексту: (Бацевич 2010: 156-198).

⁸ См., например, детальный анализ экспрессивов в: (Богданов 1990: 54; Романов 1988: 55; Серль 1986: 184).

3. Прагматические коммуникативные смыслы асемантических реплик

Будучи по своей природе интенциональными, то есть в большинстве случаев сознательно употребленными говорящим с определенной целью, асемантические речевые акты становятся конкретными тактическими ходами со стороны участника интеракции. Прагматические коммуникативные смыслы, сопровождающие эти тактические ходы, или, точнее, приписываемые им другими участниками общения, размыты, достаточно сложны для восприятия, а поэтому, как замечает А. Степанов, «обеспечивают разнообразность разновекторных интерпретаций» (Степанов 2005: 100). Эти коммуникативные смыслы зависят от конкретного контекста и ситуации общения и в разных случаях употребления могут быть «прочитаны» адресатами (третьими участниками коммуникации, читателями) по-разному. Беря во внимание конкретные контекст и ситуацию общения героев, все же считаем возможным выделить, на наш взгляд, важнейшие типы коммуникативных смыслов прагматического характера, сопровождающие употребление асемантических речевых актов в пьесах А. Чехова:

1. Коммуникативные смыслы, связанные с внутренним миром, текущими душевными состояниями адресанта. В частности, они могут свидетельствовать:

а) о неуверенности говорящего в себе, осознании им своей неполноценности. Экспликации этих состояний могут быть самыми разнообразными: от проявляемых, фактически, автоматически, до намеренных, откровенных. Пример из пьесы «Три сестры»:

(8) Соленый (вынимает духи и брызгает на руки). *Вот вылил сегодня целый флакон, а они все пахнут. Они у меня пахнут трупом. (Пауза). А он, мятежный, просит бури, как будто в бурях есть покой...*(156).

Цитируя известные слова из стихотворения М. Лермонтова «Парус», Соленый в который раз пытается преподнести себя окружающим как «сложного» человека, одержимого комплексом «лермонтовских» героев, так называемых «лишних» людей, то есть личностей исключительных, непознанных другими, стоящих неизмеримо выше всех;

б) о глубоком духовном и душевном кризисе, горе, безысходности. Фрагмент из «Трех сестер»:

(9) Вершинин сообщает Маше, которая его любит, об отъезде из их города полка, которым он командует:]
Вершинин. *Пиши мне... Не забывай! Пусти меня... пора...*

Маша (сдерживая рыдания). *У лукоморья дуб зеленый, золотая цепь на дубе том... золотая цепь на дубе том... Я с ума схожу... У лукоморья... дуб зеленый* (185).

Прагматический коммуникативный смысл «всплывшей» в памяти Маши «классической» прецедентной цитаты из пушкинского «Руслана и Людмилы» очевиден: заглушить рвущуюся на поверхность боль любящей души;

в) о чувстве конфуза от собственных слов, действий, поступков. Пример из пьесы «Вишневый сад»:

(10) Гаев. *Друзья мои, милые, дорогие друзья мои! Покидая этот дом навсегда, могу ли я умолчать, могу ли удержаться, чтобы не высказать на прощанье те чувства, которые наполняют теперь все мое существо...*

Аня (умоляюще). *Дядя!*

Варя. *Дядечка, не нужно!*

Гаев (уныло). *Дуплетом желтого в середину... Молчу...* (251-252).

2. Коммуникативные смыслы, связанные с отношением адресанта к адресату (адресатам). В пьесах А.Чехова, асемантичные высказывания (реплики) как акты преимущественно интеракциональные могут быть носителями таких прагматических коммуникативных смыслов:

а) раздраженность словами, поступками и т.п. собеседника. Вспомним реплику Маши из пьесы «Три сестры» на слова своего мужа (10);

б) провокационное, эпатажное, издевательское поведение касательно личности адресата. Пример из пьесы «Три сестры»:

(11) Тузенбах. *<...> А может быть нашу жизнь назовут высокой и вспомнят о ней с уважением. Теперь нет пыток, нет казней, наших ствий, но вместе с тем столько страданий.*

Соленый (тонким голосом). *Цип, цип, цип...* (129).

Реплика Соленого, который ненавидит Тузенбаха, носит явно издевательский характер и имеет своей целью уязвить последнего;

в) несерьезное, ироничное отношение к личности адресата. Пример из пьесы «Три сестры», где встречается целый коллаж из разных трансформированных цитат:

(12) Соленый. *Я странен, не странен кто ж! Не сердись, Алеко! <...>*

Тузенбах. *Подаю в отставку. Баста! Пять лет все раздумывал и наконец решил. Буду работать.*

Соленый. *Не сердись, Алеко. Забудь, забудь мечтания свои...*
(151);

г) демонстративное пренебрежительное отношение к личности адресата, игнорирование его слов. Фрагмент пьесы «Чайка»:

(13) Полина Андреевна. *Вы не бережете себя. Это упрямство. Вы – доктор и отлично знаете, что вам вреден сырой воздух ...*
Дорн (напевает). *«Не говори, что молодость сгубила»* (11).

Важной коммуникативной особенностью асемантических речевых актов является то, что они могут становиться признаком идиостилия конкретного говорящего, идентификационной чертой его речевого поведения. Это характерно, например, для героя пьесы «Вишневый сад» Гаева, которого узнают, вспоминают манеру его общения по «бильярдным фразам»:

(14) Входят Любовь Андреевна, Гаев и Симеонов-Пищик. Гаев, входя, руками и туловищем делает движения, как будто играет на бильярде.
Любовь Андреевна. *Как это? Дай-ка вспомнить... Желтого в угол! Дуплет в середину!*
Гаев. *Режу в угол! <...>* (203).

Понятно, что выделенные исключительно на материале пьес А.П.Чехова тактические ходы участников общения с использованием асемантических речевых актов и соответствующие им коммуникативные смыслы далеко не исчерпывают возможное их количество и функции в живом общении. Полная (или относительно полная) типология подобных высказываний в живой интеракции и, соответственно, присущих им коммуникативных смыслов возможна в случае привлечения значительного количества текстов художественной литературы и дискурсов различного типа.

Важнейшие функциональные признаки асемантических (внежанровых) речевых актов:

1. Интенциональное (целенаправленное, осознанное) употребление адресантом. Этим они противопоставлены словам-паразитам и различным высказываниям, автоматически, неосознанно употребляемым в речи.

2. Они рассчитаны на сознательное восприятие и интерпретацию адресатом (слушателем, читателем).

3. Не связаны с текущим развертыванием семантических (пропозитивно-тематических) аспектов коммуникации, а тем самым с категориальными признаками «истинность / неистинность» в общении.

4. Являются носителями индивидуального коммуникативного прагматического смысла, связанного со сложными ментальными, а также духовными и душевными проявлениями человека. Этим они противопоставлены узуализированным прагматическим смыслам псевдовысказываний, подобным *йохана-бабай*, *ёкалемене* и другим.

5. Внежанровы в плане тематико-пропозитивной организации текущего коммуникативного акта. При этом могут быть полной мерой семантически наполненными в пределах иных («своих») типов коммуникации, дискурсов, к примеру *Дыр бур щил / убецур скум / вы со бу / р л ээ*.

6. Будучи асемантическими, нарушают «нормальное» течение пропозиционных смыслов общения, делают невозможным его в целом или переводят его движение на уровень «вычитывания» слушателями (читателями) личностных коммуникативных смыслов адресанта.

7. Нарушают максимы общения, прежде всего максимы отношения и способа, согласно с которыми в кооперативном общении говорящий не должен отклоняться от темы, а также должен избегать непонятных адресату высказываний (Грайс 1985: 223). В этом аспекте рассмотрения исследуемый тип речевых актов может быть сопряжен с проблемой языковых и коммуникативных девиаций.

8. Наличие специфических коммуникативных смыслов у рассматриваемых типах высказываний как речевых актах подтверждается тем, что они, как правило, вызывают ответную репликовую реакцию, то есть «прочитываются» адресатами, становятся средствами движения сюжета, вызывая, прежде всего, эмоциональную реакцию слушающего.

Отметим, что исследуемые речевые акты имеют значительное формальное сходство с репликами героев пьес театра абсурда, например, Э.Ионеско, С.Беккета, Д.Хармса, А.Введенского. Однако, рассматриваемые с позиций коммуникативной организации дискурсов, асемантические речевые акты, с одной стороны, резко отличаются от последних тем, что являются сознательно семантически опустошенными относительно тематической организации конкретного коммуникативного акта; реплики пьес абсурда, как правило, тотально, так сказать, «онтологически» опустошенные волей автора (в действительности так никто не общается). Это касается также фона действия, которое разворачивается в пьесах театра абсурда: часто действие происходит в пределах абсурдной «онтологии мира», создаваемой автором⁹.

⁹ О специфике языка абсурдных художественных текстов см., например: (Фещенко 2009).

4. Выводы и перспективы исследований

Асемантические реплики в устах героев пьес А. Чехова – речевые акты, носители сложных прагматических коммуникативных смыслов, которые не всегда адекватно «прочитываются» адресатами (собеседниками, слушателями, читателями). Будучи интенциональными, они иллокутивно направлены на формирование тактических ходов одного из участников диалога (полилога). С позиций общей типологии речевых актов выделяется два типа проявления таковых в коммуникации: (1) семантически полноценные речевые акты, которые объединяют все типы высказываний, выделяемых в пределах теории речевых актов, и (2) асемантические (внежанровые) речевые акты. Последние могут иметь значительный коммуникативный потенциал: в текстах, ставшими прецедентными в пределах конкретной лингвокультуры; они могут потенциально стать, а иногда и становятся, прецедентными высказываниями, то есть узуализируются. В художественной (а иногда и в обыденной) речи асемантические речевые акты служат одним из факторов непрямого общения. Типы средств непрямого общения в современной лингвистике и, в частности, в русистике еще в полной мере не установлены. Исследование разнообразных способов непрямого общения, выявление их роли в интеракции, типология семантических и прагматических коммуникативных смыслов, которые стоят за ними, – актуальная проблема современных коммуникативной лингвистики, речеведения, теории речевых актов, лингвистической прагматики, лингвопоэтики, стилистики художественной речи, а также иных направлений современной науки о языке.

Литература

- Gatunki mowy 2000 – *Gatunki mowy i ich ewolucja. T. 1. Mowy piękno wielorakie*, Katowice 2000.
- Gatunki mowy 2004 – *Gatunki mowy i ich ewolucja. T. 2. Tekst a gatunek*, Katowice 2004.
- Pitcher 1973 – Harvey J. Pitcher, *The Chekhov Play: a New Interpretation*, Leicester 1973.
- Pervukhina 1993 – Natalia Pervukhina, *Anton Chekhov: The Sense and Nonsense*, N.Y. 1993. (Series. 4).
- Polska genologia 2008 – *Polska genologia lingwistyczna*, red. naukowa D. Ostaszewska, R. Cudak, Warszawa 2008.
- Współczesna polszczyzna 2004 – *Współczesna polszczyzna. Wybór opracowań. T. 3. Akty i gatunki mowy*, t. 3, red. J. Bartmiński, S. Niebrzegowska-Bartmińska, J. Szadura, Lublin 2004.
- Бахтин 1996 – М. Бахтин. *Проблема речевых жанров*, [в:] М. М.Бахтин, *Собрание сочинений в семи томах. Работы 1940-начала 1960-х годов*, t. 5, Москва 1996, с. 159-206.

- Бацевич 2003 – Ф. Бацевич, *Нариси з комунікативної лінгвістики*, Львів 2003.
- Бацевич 2005 – Ф. Бацевич, *Лінгвістична генологія: проблеми і перспективи*, Львів 2005.
- Бацевич 2010 – Ф. Бацевич, *Нариси з лінгвістичної прагматики*, Львів 2010.
- Белый 2002 – А. Белый, *Чехов* [в:] А. П. Чехов: *pro et contra. Творчество А. П. Чехова в русской мысли конца XIX – начала XX в.: Антология*, составление, предисловие, общая редакция И. И. Сухих, Санкт Петербург 2002, с. 831–845.
- Богданов 1989 – В. В. Богданов, *Классификация речевых актов*, [в:] *Личностные аспекты речевого общения: Межвузовский сборник научных трудов*, Калинин 1989, с. 25-37.
- Богданов 1990 – В. В. Богданов, *Речевое общение. Прагматические и семантические аспекты*, Ленинград 1990.
- Борботько 2007 – В. Г. Борботько, *Принципы формирования дискурса. От психолингвистики к лингвосинергетике*, Москва 2007.
- Введенский 2011 – А. И. Введенский, *Всё*, Москва 2011.
- Грайс 1985 – Г. П. Грайс, *Логика и речевое общение*, [в:] *Новое в зарубежной лингвистике*, вып. XVI, Москва 1985, с.217-237.
- Дементьев 2010 – В. В. Дементьев, *Теория речевых жанров*, Москва 2010.
- Демьянков 1992 – В. З. Дементьев, *Тайна диалога: (Введение)*, [в:] *Диалог: Теоретические проблемы и методы исследования*, Москва 1992, с. 10-44.
- Дымарский 2006 – М. Я. Дымарский, *Проблемы текстообразования и художественный текст. На материале русской прозы XIX–XX веков*, Москва 2006.
- Макаров 2003 – М. Л. Макаров, *Основы теории дискурса*, Москва 2003.
- Остин 1986 – Дж. Остин, *Слово как действие*, [в:] *Новое в зарубежной лингвистике*, вып. XVII, Москва 1986, с. 22-129.
- Паперный 1982 – З. С. Паперный, *«Вопреки всем правилам...»: Пьесы и водевили Чехова*, Москва 1982.
- Романов 1988 – А. А. Романов, *Системный анализ регулятивных средств диалогического общения*, Москва 1988.
- Сахарова 2012 – О. В. Сахарова, *Вступ до лінгвістичної генології*, Київ 2012.
- Сергунов 2004 – И. Сергунов, *Осенние мотивы: Рассказы. Пьесы*, Київ 2004.
- Серль, Вандервекен 1986 – Дж. Серль, Д. Вандервекен, *Основные понятия исчисления речевых актов*, [в:] *Новое в зарубежной лингвистике*, выпуск XVIII, Москва 1986, с. 242-264.
- Степанов 2005 – А. Д. Степанов, *Проблемы коммуникации у Чехова*, Москва 2005.
- Фещенко 2009 – В. В. Фещенко, *Лаборатория логоса: Языковой эксперимент в авангардном творчестве*, Москва 2009.
- Чехов 1986 – А. П. Чехов, *Полное собрание сочинений и писем: в 30 томах*, т. 13, Москва 1986.
- Шмелева 1995 – Т. В. Шмелева, *Речевой жанр: опыт общепилологического осмысления* [в:] «Collegium», 1995, № 1-2, с.28-34.
- Яхонтова 2009 – Т. В. Яхонтова, *Лінгвістична генологія наукової комунікації*, Львів 2009.

SUMMARY

Pragmatics of Asemantic Remarks in A. Chehov's Plays

In A. Chehov's plays, first of all "Chayka", "Three Sisters", "Uncle Vanya", educated characters' speech regularly contains utterances devoid of propositional content, but full of peculiar communicative senses of pragmatic nature. From the point of view of the theory of speech acts they can be analyzed as asemantic with regard to the movement of communicative senses in communication. The article presents an attempt of typology of this kind of cues-speech acts depending on the degree of their asemanticity and those pragmatic functions they perform. The analysis of linguistic means of implementation of indirect communication is one of the topical problems of modern linguistics, linguistic pragmatics in particular.